

РЕЦЕНЗИИ

© 1994 г., ЭО, № 6

Самозванчество в России: по поводу книги А. С. Мыльникова «Искушение чудом: „Русский принц“, его прототипы и двойники-самозванцы» Л., 1991, 286 с.

Монография А. С. Мыльникова принадлежит к группе работ, раскрывающих истоки и смысл ментальности русского народного сознания XVIII в. В основу ее положены долгие, плодотворные размышления автора о причинах формирования устойчивого стереотипа российского императора Петра III и возникновений целой лавины мнимых претендентов на российский престол. Идейным истокам самозванчества, проявившегося, по мнению Б. А. Успенского, наиболее отчетливо в русской национальной культуре¹, посвящено значительное число работ, в которых данная проблематика рассматривается в плане культурно-исторической и социально-экономической традиции².

А. С. Мыльников пытается разрешить проблему самозванчества и рассмотреть устройство того механизма культуры, который срабатывает всякий раз, принуждая народное сознание к поиску определенного социально-культурного фетиша — самозванца, под иным углом зрения, а именно «комплексно, в систематическом единстве». С этой целью он привлекает неизвестные печатные и рукописные источники, а также заново перечитывает уже вошедшие в поле зрения исследователей. Книга А. С. Мыльникова несколько необычна по жанру: автор построил изложение темы подобно хорошему историческому роману. Художественное изложение серьезного научного вопроса способствует широкой популяризации научных знаний.

Основу нынешней монографии А. С. Мыльникова составили материалы его предыдущей монографии «Легенда о русском принце» (Л., 1987), однако новая книга является не просто расширенным и углубленным изданием прежней: она пополнена собранными в архивах СССР и ФРГ (Земельный архив Шлезвиг-Гольштейна, Нижнесаксонский государственный архив в Вельфенбюттеле) материалами и посвящена трем наиболее крупным очагам самозванчества — в России, в Черногории и в Чехии. Книга А. С. Мыльникова состоит из семи больших блоков-глав, каждая из которых в свою очередь делится на небольшие очерки. Глава первая, озаглавленная «Необычайные встречи на перекрестках истории: вместо пролога», вводит читателя в курс рассматриваемых событий. Автор повествует о семи случаях самозванчества³, размышляет о причинах, приведших к избранию самозванцами в качестве символа императора Петра III. Далее следуют главы «Пленник власти», «Преображение реальности», «Воплощение в Черногории», «Воплощение на Яике», «Пленник Легенды» и заканчивает книгу глава «Необычайные встречи на перекрестках истории: вместо эпилога», в которой автор пристально рассматривает личность Петра III, расследует воплощение его образа на Яике, в Чехии и Черногории.

Вернемся к личности Петра III. По мнению А. С. Мыльникова, искажение образа Петра III в отечественной историографии было вызвано излишне предвзятым отношением к личности самого самодержца со стороны современников императора и последующих поколений историков, чрезмерно доверявших мемуарным источникам. На наш взгляд, в таком утверждении есть рациональное зерно, поскольку в данном случае «почти не учитываются, в частности, социальное положение, круг общения и политическая ориентированность современников, писавших о Петре Федоровиче» (с. 22). Таким образом, современными усилиями современников и многих поколений историков, описывавших события политической и социально-экономической жизни России XVIII в., был порожден миф о порочности государя Петра III, его безволии и своенравии. Рождение любого мифа почти всегда ведет к постепенной подмене действительности вымышленным ее содержанием. Мифу, в том числе мифу историческому, присуща одна странная, трудно поддающаяся рациональному осмыслению, черта: исторический миф не претендует на документальную точность изложения происшедшего. Более того, там, где присутствует документальная точность, мифу просто нет места; поэтому чем невероятнее описываются события, тем больше шансов на существование имеет миф. «В мифе, — по мнению Н. С. Автономовой, — как бы он ни был построен, хаос предстает как нечто упорядоченное, а бессмысленное мгновенно обретает смысл — стоит только сослаться на то, что так было и так произошло»⁴. Миф и логос меняются местами: то, что было, приобретает черты призрачности, «небытия», а то, чего не было и не могло быть, вдруж получает черты реально существовавшего, «бытия». Миф не требует осмысления, и уже потому даже самая немисляемая фантазия «обретает реальность на основе простого доверия к говорящему»⁵. Однако миф не останавливается на достигнутом, он требует все новых и новых «жертв». «Жертвой» мифа в конце концов становится и сам человек, что приводит «к возникновению мифологического мышления и самих мифов — чувственных образно-нормативных схем, включающих рассказ о возникновении какого-либо явления и предписывающих определенный способ человеческого поведения в связи с данным явлением»⁶. Один миф создает другой, а оба они постепенно мифологизируют общественное сознание, искусно манипулируя и управляя им. К разряду такого рода мифов, на наш взгляд, может быть отнесен миф, создавшийся вокруг имени императора Петра III.

Самостоятельный интерес имеет характеристика личности и государственной деятельности Петра III, созданная А. С. Мыльниковым в результате тщательного анализа источников.

Привыкнув к военной четкости, Петр III желал видеть порядок и в делах государства; его деятель-

